

Михаил Никифорович Катков

О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева

Критика 60-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева.-- М.: ООО "Издательство "Астрель""; "Издательство "АСТ", 2003 (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

В один прекрасный день два молодые прогрессиста наехали с севера в мирное деревенское затишье, живьем везя с собой новый дух, который доходил туда прежде лишь в смутных отголосках или слабых и карикатурных проявлениях. Один из этих молодых прогрессистов, уже не самой первой молодости человек, -- человек вполне сложившийся и зрелый, -- и в нем-то главным образом сидит этот новый дух.

"Что у вас на душе?.. Кто вы, что вы?" -- спрашивают этого гостя. "Вы меня удивляете, -- отвечает он, -- вам известно, что я занимаюсь естественными науками".

Итак, в нашу глушь пожаловал дух исследования, ясной и точной мысли, положительного знания. Как кстати! Его-то нам и недоставало. Да, это действительно дух нового времени, завоевывающий одну область за другою. Этот дух ясной и точной мысли не ограничивается в наше время только теми науками, которые обыкновенно называются естественными; он простирается повсюду, и нет умственной сферы, которая бы в наше время не полагала своей силы и достоинства в ясной мысли и положительном знании.

Первым делом Базарова, по приезде в деревню к отцу своего молодого поклонника, было отправиться в болото за лягушками. Он выложил свои снаряды и наполнил свою комнату химическим запахом. Компания сидит за утрешним чаем, а он, суровый труженик, тащит свою добычу с болота и, не останавливаясь, отрывочно отвечает на докучные расспросы... Это рассказано так, что ни на чем не запнешься и в самом деле поверишь, что вот приехал неутомимый исследователь тайн природы, который не хочет терять ни минуты времени и, не успев протереть глаза со сна после дальней дороги, не успев осмотреться на новом месте, ознакомиться с хозяевами и напиться чаю, спешит на ученую экскурсию, посылает мальчишек в болото за лягушками, в кратких, но выразительных словах объясняет *им*, для чего они нужны и что в сущности человек и лягушка одно и то же. "Ну полезай, философ", -- говорит он шестилетнему мальчишке, который слишком заболтался, между тем как нашему естествоиспытателю дорога каждая минута: он должен немедленно произвести важный опыт над нервною системой.

Что проглянуло в этом: серьезное дело или нет? Автор оставляет нас без всякого намека. Если бы с его стороны был какой-нибудь умысел, то умысел этот непременно отозвался бы так или иначе в тоне его рассказа. Подозрительные глаза инквизиторски наблюдали за всеми движениями автора в его произведении и готовы были видеть во всем злонамеренный умысел; но ни одному критику не пришло в голову остановиться на этом пункте. Действительно, здесь нет ни малейшей иронии. Автор только взял тот дух науки, какой представила ему наша общественная среда, и пустил его действовать, ни за что не принимая на себя ответственности. Очень может быть, что автору и на мысль не приходило спросить себя, серьезное ли это дело или нет; но, без сомнения, в сумме общего впечатления, всеми должно было чувствоваться, что это дело не серьезное. Что за Дюбуа Ремон, или Рудольф Вагнер, или, пожалуй, самый этот Джордж Генри Люис, о котором было у нас так много толков, появился на святой Руси?¹ А если б и появился, так неужели эта типическая черта, которой обрисован Базаров, эта черта, исполненная такой художественной истины в романе г. Тургенева, -- неужели эта черта годилась бы и для них? Что за удивительное рвение, как будто лягушки в болоте не могли подождать день-другой! И мы тем сильнее чувствуем неестественность этого рвения, что наш естествоиспытатель вовсе не какой-нибудь чужак ученый, вовсе не какой-нибудь зарывшийся специалист; он живет как все, и гуляет, и празднословит, и ничего не делает.

"Я рассматривал виды Саксонской Швейцарии в вашем альбоме, -- говорил однажды Базаров заинтересовавшей его даме, -- а вы мне заметили, что это меня занять не может. Вы это сказали потому, что не предполагаете во мне художественного смысла, да во мне и действительно его нет; но эти виды могли заинтересовать меня с точки зрения геологической, с точки зрения формации гор, например".

Не является ли перед нами опять образ того же самого натуралиста, который так спешил накрыть врасплох лягушек в болоте? Он презирает художественный интерес; он даже дамский альбом рассматривает не иначе как "с точки зрения геологической, с точки зрения формации гор".

Светская скужающая женщина заинтересовалась нашим ученым. Он возбуждает ее любопытство, и она делает его предметом своих наблюдений и опытов, а в нем между тем начинает закипать страсть. Пусть бы наш естествоиспытатель, забыв о своих химических снарядах, о своем микроскопе и лягушках, сел с прялкой у ног своей Омфалы²; нет, он не забывает и тут, что он ученый; он не видит, что эта дама,